DOI: 10.22394/2070-8378-2021-23-1-35-45

ЦИФРОВАЯ ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ ЛОВЕЦКИЙ, доктор философских наук, профессор
Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 248021, Калуга, ул. Окружная, 4, корп. 3). E-mail: gennadiy_lovetskiy@mail.ru
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ САМЫЛОВ, кандидат исторических наук, доцент
Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 248021, Калуга, ул. Окружная, 4, корп. 3). E-mail: director@klg.ranepa.ru
КСЕНИЯ ВАДИМОВНА ТИМОФЕЕВА, магистрант по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление»
Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 248021, Калуга, ул. Окружная, 4, корп. 3). E-mail: ksenya-timofeeva@mail.ru

Аннотация: Цифровая трансформация общества и экономики России стала вызовом для государственных органов и диктует необходимость дальнейших преобразований на уровне конечного потребителя данной стратегии – человека, включенного в сетевые отношения, элементарной или первичной ячейкой которых является семья. Несмотря на то, что семья довольно прочно связана родственными отношениями, внутри нее протекают динамичные процессы, вызванные возрастными, половыми, статусными и иными различиями, которые обостряются в период становления цифрового общества. На примере модельной семьи, состоящей из лиц пенсионного возраста, взрослых родителей и детей от дошкольного возраста до вступающих в самостоятельную жизнь, предлагается рассмотреть, что привнесет государственная политика в области цифровой экономики и цифрового общества в жизнь семьи с ее устоями и ценностями. Современная семья является весьма заинтересованным и активным субъектом цифрового пространства. Рассматривая ее с этих позиций, авторы выражают уверенность в возможности проведения более активной государственной политики в данном направлении. Исследований на данную тему крайне мало, что подчеркивает актуальность настоящей статьи.
Ключевые слова: цифровизация экономики и общества, традиционные ценности народа, семья, государственное управление, социальные сети, цифровые потребности граждан

Статья поступила в редакцию 28 января 2021 года.

Ловецкий Г.И., Самылов П.В., Тимофеева К.В. Цифровая ячейка общества и государственное управление. *Государственная служба.* 2021. № 1. С. 35–45.

DIGITAL UNIT OF SOCIETY AND PUBLIC ADMINISTRATION

GENNADY IVANOVICH LOVETSKY, Doctor of Sci. (Philosophy), Professor
Kaluga Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (4 Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation). E-mail: gennadiy_lovetskiy@mail.ru
PAVEL VASILIEVICH SAMYLOV, Candidate of Sci. (History), Associate Professor
Kaluga Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (4 Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation). E-mail: director@klg.ranepa.ru
KSENIA VADIMOVNA TIMOFEEVA, Graduate student at the Department of State and Municipal Administration
Kaluga Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (4 Okruzhnaya St., building 3, Kaluga, 248021, Russian Federation). E-mail: ksenya-timofeeva@mail.ru

Annotation: Digital transformation of society and Russian economy has become a significant task for governing authorities and dictates the need for further changes at the level of the final consumer of these transformations – a person included in the system of network relationships, where family is the primary unit. Although family personifies traditional parental relations, it has its own dynamic processes taking place within it; they are associated with age, gender, status, and other differences that are intensified during the digitalization of society. Using the example of a model family, with its traditions and values, consisting of retirees (grandparents), parents (adults), and children from pre-school age to adolescents starting an independent life, the author proposes to consider changes that the state policy in the field of digital economy and digital society will bring in the life of such model unit of society. The modern family is an interested and active subject of the digital space. Taking into account the above, the authors are sure that it is necessary to conduct more active state policy in this direction. The lack of research on this topic also emphasizes the relevance of this article.
Keywords: digitalization of economy and society, traditional values of the people, family, public administration, social networks, digital needs of citizens

The article was received on January 28, 2021.

Lovetsky G.I., Samylov P.V., Timofeeva K.V. Digital unit of society and public administration. *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2021. No. 1. P. 35–45.

Введение. Новые субъекты государственной политики в эпоху цифровизации

За последние 50 лет в жизнедеятельности современного человека произошли радикальные изменения. С необычайной скоростью формируется новый тип экономики, который пока не получил в трудах по политологии и социологии соответствующего объяснения. В этой связи используемые в литературе термины не отличаются логической строгостью. Так, цифровая экономика характеризуется как деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг, а цифровые технологии – это технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде [Абдрахманова, Вишневский, Гохберг, 2019. С. 13, 29-31]. В официальных документах цифровая экономика – это деятельность, в которой ключевыми факторами производства являются данные, представленные в цифровом виде, а их обработка и использование в больших объемах, в том числе непосредственно в момент их образования, позволяют по сравнению с традиционными формами хозяйствования существенно повысить эффективность, качество и продуктивность в различных видах производства, при хранении, продаже, доставке и потреблении товаров и услуг[1]. Однако нам ближе определение Е.С. Садовой: цифровая экономика – это не столько использование новых технологий, сколько системные изменения, которые формируют качественно новые принципы отдельного бизнеса, экономики, а в итоге – общества, преобразуя, в частности, общественные отношения через трансформацию социально-трудовой сферы [Садовая, 2018(a). С. 35-45].

Под цифровым обществом понимают такую форму социального порядка, в которой все ключевые социальные связи выстраиваются с помощью цифровых сервисов интернет-коммуникации или как минимум опираются на дублирование традиционных и цифровых способов их установления и поддержания [Тихонова, Фролова, 2019. С. 287-290]. Исследователи считают, что основополагающими субъектами цифрового общества в первую очередь являются граждане, а не технологии и инфраструктура [Аверьянов, Евтушенко, Кочетова, 2017. С. 114-124], хотя в то же время нарастает поток публикаций, в которых вводятся понятия «цифровая антропология», «техносоциосфера», «социогуманитарный технологический уклад» и другие, отражающие, с одной стороны, более взвешенную позицию, а с другой стороны, демонстрирующие приверженность техницизму. Очевидно, что понятия, призванные создать адекватное представление о цифровой экономике и цифровом обществе, требуют более всестороннего подхода и философского осмысления.

Действительно, общество состоит из индивидов, это отдельные атомы социального пространства, однако структурными его элементами являются такие «молекулы», как семья и организации. Семья до такой степени считается чем-то обыденным, анахронизмом прошлого, что исследования относят эту тему чаще всего к этнографии, антропологии. Значительно больше работ по проблемам организационного взаимодействия людей. Между тем появились исследования, в которых отмечается, что традиционный тип организации эволюционирует в неизвестном пока направлении [Суслова, Коростелева, 2018. С. 100-105].

Организации 1.0 возникали в условиях минимальной конкурентной среды с установкой на производство изделий, которые непременно будут востребованы неприхотливым потребителем. Организации 2.0 функционировали на базе предсказаний потребительских предпочтений. Современность представлена Организацией 3.0, которая существует за счет непрерывной обработки большого объема данных о потребителе и взаимосвязях всех потребительских предпочтений. Однако на смену этой динамичной модели спешит Организация 4.0, или цифровая организация, в основе которой принцип нейросети, а в нейросети нет бизнес-процессов, там есть вход, обработка и выход, и это уже совершенно иной подход к пониманию организации в целом. Это означает, что границы между субъектами рынка будут стираться, представление о предприятии в его традиционном понимании уступит место новым формам ведения хозяйства, оно станет по типу ближе к домохозяйству. Следует отметить, что в структуре валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики домохозяйства несут расходы на уровне 65 % от расходов организаций [Абдрахманова, Вишневский, Гохберг и др., 2020. С. 11].

Высвобождение индивида из цепких объятий организационных структур чревато многими неожиданными последствиями. В частности, возрастает фактор размывания прежних ценностных оснований общества, и отсюда возникает эффект экономической и социальной неустойчивости [Садовая, 2018(b). С. 6-20]. Не исключено, что, как неприкаянные атомы социального пространства, индивиды, эта святая единица «налогового государства», будут предоставлены сами себе, и подвержены стохастическим скоплениям подобных атомов, объединенных по асоциальному признаку, если будут подорваны основы их последнего и пока еще надежного прибежища – семьи.

Семья может быть рассмотрена как цифровая ячейка общества, совокупность людей разных возрастов и статусов, объединенных семейными отношениями в качестве значимого социального субъекта цифрового общества и цифровой экономики, то есть формирующих гражданскую позицию и совместно ведущих свое хозяйство. В связи с изложенным

1 Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919

уместно привести мнение Ли Кун-Хи, главного исполнительного директора Samsung о том, что наступают новые времена, когда мы должны быть готовы сменить все, за исключением супруги и детей [Суслова, Коростелева, 2018. С. 100-105]. Семья является тем ядром, вокруг которого вращаются ее родственные атомы, она оказывается носителем не только семейных, но и социально значимых ценностей и способна регулировать даже глобальные конфликты на своем невидимом миру микроуровне путем воздействия мягких сил притяжения и отталкивания, что описано в литературе по психотерапии, динамической и когнитивной психологии.

В частности, Н. Аккерман справедливо замечает, что изначально, генетически, семья включала в себя не только родителей и детей, но также все домашнее хозяйство и связанных с ним работников, объединенных в целях эффективного социального регулирования или управления, адаптивно реагирующих на внешние воздействия и внутренние процессы (в неблагоприятной обстановке усиливаются взаимное противостояние, непонимание и отторжение, возникает угроза целостности семьи), подверженных динамическим взаимосвязям индивидуального и обобщенного, семейного поведения [Аккерман, 2000. С. 17-26].

Для более глубокого понимания сущности явлений полезно обратиться к модели условной семьи, которая состоит в простейшем случае из представителей разных поколений: лиц пенсионного возраста (60–75 лет), взрослых родителей (35–55 лет), взрослых детей (18–30 лет) и внуков (в возрасте до 14 лет). Мир восприятия у каждого будет свой не только в силу возраста (возрастные различия преодолеваются сходством взглядов и позиций относительно общих ценностей), но, прежде всего, в силу индивидуальных нюансов, сформировавшихся прошлым опытом и способных или неспособных развиваться. Все они одновременно являются пользователями информационных ресурсов, ориентированных на разные возрастные категории населения. Таким образом, в рамках одной семьи будут одновременно использоваться разные сетевые приложения, но в целом семья будет представлять квазисовокупность цифровых возможностей общества, по-разному воспринимая и реагируя на них, что демонстрирует более детальный анализ. В этой связи наша модель может быть охарактеризована в терминах монадологии Лейбница, как ее понимал Жиль Делез: индивидуальная монада выражает весь мир через связь других тел с ней – в той же мере, в какой она выражает эту последнюю через связь частей собственного тела [Делез, 1995. С. 139].

Семья в социальных и цифровых сетях

Семья – самый влиятельный древний институт человечества, поскольку и сегодня она остается базовой единицей рода, связь с которым человек ощущает непосредственно и постоянно, но также и в силу других фундаментальных обстоятельств. В работе исследователей показано, что, несмотря на изменения в отношениях общества к семье, неизменными остаются три группы семейных ценностей, составляющих ее основу: ценности, связанные с супружеством; ценности, связанные с родительством, и ценности, связанные с родством [Ростовская, Кучмаева, 2017. С. 301-313], что, на наш взгляд, позволяет предположить устойчивость этих древних оснований в будущем, а также рассматривать семью в качестве прочной ячейки меняющегося общества. В другой статье говорится о том, что на всем протяжении истории подлинной ценностью сообщества был не отдельный человек, а семья; отделять семью от домоводства считалось неразумным, поскольку экономическая и политическая составляющие неотделимы: семья как домоводство и как ячейка придает политическому телу смысл социальный, а понятию суверенитета – юридический [Баязитова, 2019. С. 130-148].

В XXI веке семья продолжает выполнять свою родовую функцию, она поддерживает традиционные семейные ценности. Если сформулировать эти ценности предельно предметно, то речь идет о следующем: чти отца и мать, помни свой род, расти физически и нравственно здоровым, береги честь свою, отвечай за обещания, будь прилежен в труде и учебе, помогай старшим и проявляй заботу о младших, учись бережливости, люби Родину, отстаивай ее интересы. Одновременно семья выполняет функции социального мотиватора, ориентируясь на ценности, предлагаемые государством, которые в основном касаются формирования законопослушного поведения, лояльного отношения к власти и патриотизма.

Трансформация и коррозия этих ценностей неизбежны в силу разных причин. Среди них доминирует проблема подмены реальных ценностей мнимыми, виртуальными, которая обострилась в период цифровизации досуга, быта, образования и культуры. Как относиться к подобным объектам? Сказать, что они лишены онтологической сущности – значит отбросить возможность понимания. К примеру, виртуальный музей – это реальные экспонаты или воздушные шарики, которые по истечении времени схлопываются и выбрасываются за ненужностью? Дело, видимо, в том воздействии, которое оказывает виртуальный экспонат (одежда, утварь, мебель), картина, а также театр, симфонический оркестр на эмоциональный мир человека в силу того, что они наделены значением (принадлежали такому-то именитому лицу, относятся к такой-то эпохе, выполнены в таком-то стиле). Прекрасное формирует одни чувства, безобразное – иные; но и то и другое является воплощением идеала (человека, эпохи).

Теория поколений (ее развивает В.А. Радаев [Радаев, 2019. С. 224] и другие авторы) пытается нам сказать примерно то же самое. Поколение 1943–1963 годов предстает как сообщество трудоголиков, занятых преимущественно восстановлением разрушенной

в ходе войны промышленности, сельского хозяйства, объектов культуры и образования в ущерб личным интересам. Далее на сцену истории выходит поколение X (1963–1983), которое продемонстрировало готовность к изменениям, техническую грамотность, стремление учиться в течение всей жизни, неформальность взглядов, поиск эмоций. В идеалах нового поколения, получившего название Y (1983–2003), мы видим воплощение гражданского долга и морали, личной свободы, ориентацию на немедленное вознаграждение. Сегодня вступает в жизнь поколение Z (2003 +), которое стремится соответствовать моде, склонно к идеализму, живет в мире, сочетающем физическую и виртуальную реальность, свободно себя ощущает в потоке техногенной коммуникации, проявляет интровертный индивидуализм, опираясь, скорее, не на авторитеты, а на самостоятельные суждения [Субботин, 2020. С. 328-338]. Такой узел поколений может быть представлен в портрете нашей модельной семьи. При этом, в отличие от старших, молодые люди склонны учиться поверхностно, рассуждать поспешно и действовать наобум, и с этим приходится считаться.

Чем моложе поколение, тем больше оно доверяет информации из соцсетей и блогов, а это влечет за собой серьезный сдвиг в предпочтениях, проявляющийся в снижении вертикального (политического и общественного) и росте горизонтального (личностного) доверия [Земскова, 2019]. Такой разнобой в оценках текущей информации порождает то, что исследователи называют не только социально-политической, но отчасти и экономической неопределенностью, проникающей и во внутрисемейные отношения, на первый план выходят эмоциональные потребности и личные стремления. Это делает отношения более хрупкими, уязвимыми и конфликтными, и, что особенно тревожно, теряются ориентиры на семью как хранителя и авторитетного источника ценностей [Мартынов, Корнеева, Василевичева, 2019. С. 207-211]. Выделяют проблемные зоны «цифрового поколения»: информационную перегруженность и, как следствие, снижение способности формировать и оперировать знаниями (то есть систематизировать информацию, последовательно ее осваивать, выстраивать логические связи, структурировать материал), интернет-зависимость, контакты со злоумышленниками и доступ к «опасному» контенту (проявления агрессии, домогательства, призывы к насилию, порнография), трансформация (порой разрушительная) понятий личного пространства, защиты личных данных, авторских прав. Вывод исследователей, на наш взгляд, чрезмерно категоричен: старшим поколениям, которые навсегда останутся «эмигрантами» в Интернете, да и вообще цифровом мире, эти молодые люди могут показаться слишком сложными и поразительно ограниченными одновременно.

Социальные сети способны виртуально структурировать любые процессы, воздействуя на процедуру принятия решений представителями каждого потребителя, причем неважно, к какому он относится поколению [Земскова, 2019], однако именно в семье возможен некий переговорный процесс представителей разных поколений, по итогам которого последует коррекция подобного рода воздействий.

Цифровые потребности граждан пенсионного возраста

Общественная мораль двулика: естественное состояние человека – быть полезным другим, и в первую очередь близким. Однако некоторые популярные телевизионные шоу навевают иные ценности, обращаясь к пожилым и людям среднего возраста – «живите для себя», «заботьтесь о себе». Перед нами пример искажения одной из важнейших семейных ценностей, поскольку человек, который заботится лишь о себе, перестает быть полезным окружению, в том числе родным и (не исключение) нуждающимся в материальной помощи или поддержании здоровья. Жить для себя, конечно, надо, когда ты болен, например, но не постоянно. Государство обязано видеть опасность в таких явлениях. Крайний случай подобного суперэгоизма – определение пожилых людей в дома престарелых, когда они начинают становиться бесполезными для семьи, или отказ им в помощи в случае серьезного заболевания. Вместо дружной семьи общество получает неуживчивых эгоистов; если подобное настроение охватит большинство семей, то сострадание, милосердие уйдут из общества навсегда.

Исследования показывают [Павлова, Сергиенко, 2020. С. 46-61], что в последние десятилетия отношение к периоду зрелости и старости существенно изменилось, и выход на пенсию всё чаще воспринимается не как период угасания, а как дополнительный ресурс для дальнейшего развития, на это направлены программы «50+»: экскурсии, обучающие занятия, группы здоровья. Этому содействует национальная Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, которая включает мероприятия по социальной интеграции пожилых посредством освоения ими цифровых технологий и одновременно адаптацию финансовых и иных услуг к их нуждам[2]. Государственные программы «Цифровая экономика» и «Информационное общество» подразумевают удовлетворение этих потребностей посредством создания соответствующей цифровой институциональной среды и платформ. Существующие оценки показывают, что данный процесс набирает обороты: если в 2018 году лишь 9,8 % пожилых людей активно

2 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 года № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

пользовались информационными ресурсами, то год спустя этот показатель утроился. Они коммуницируют в социальных сетях (57%), осуществляют поиск информации, связанной с темой здоровья (49%), используют средства для звонков и видеосвязи (46%), анализируют данные о товарах и услугах (45%). По большей части пожилые пользователи используют стационарные компьютеры. Однако доля тех, кто использует возможности цифровой экономики, значительно меньше. Трудности на этом пути связаны с отсутствием Интернета и компьютера в доме, навыков использования цифровых гаджетов и коммуникационных площадок, а также консерватизмом [Нестик, 2016. С. 52-65].

Устройствами мобильной связи пользуется абсолютное большинство пожилых людей, многие из них имеют вполне современные аппараты. Все это позволяет современному человеку преклонного возраста оставаться в социальном и культурном пространстве, поддерживать связи со знакомыми и родственниками, несмотря на расстояния и обстоятельства, быть нужным и полезным им. И в этом плане они более полно, чем их отцы и деды, участвуют в текущих событиях, стараются быть в курсе политики, экономики и культурной жизни государства, находить понимание по многим вопросам со своими детьми и внуками.

От того, насколько взвешенно старший член семьи определит свою линию жизни на ее видимый срок, зависит общая атмосфера в семье, ее оптимистический тонус или пессимистический настрой.

Цифровые потребности граждан трудоспособного возраста

Основные потребности взрослых родителей напрямую связаны с необходимостью профессионально владеть компьютерной техникой и широким набором программного продукта. От этого зависит доступ к новому цифровому оборудованию в сфере деловой занятости и многим бытовым приборам, а также эффективная встроенность в социальный, политический и культурный процессы. Ощущая груз ответственности за семью, взрослые вынуждены думать о будущем, а прогнозы здесь весьма неутешительные. Существуют оценки [Дигилина, Тесленко, 2019. С. 166-180], согласно которым роботизация и внедрение искусственного интеллекта приведут не столько к повышению эффективности работы человека, сколько к его постепенному вытеснению из оцифрованных процессов. Например, в обозримом будущем водителей, занятых перевозками грузов, заменят автоводители, резкие трансформации ожидаются в других отраслях экономики. Если трезво оценивать грядущие перемены, то трудоспособному населению следует торопиться с определением своих предпочтений. В исследовании показано, что трудовые отношения эволюционируют в сторону гражданско-правовых основ: будет возрастать доля тех, кто работает на условиях срочных, внештатных, временных и других контрактов в связи с нестандартными условиями цифровой, платформенной экономики «по запросу», экономики совместного потребления [Садовая, 2018. С. 35-45].

Обозначенные тенденции могут служить важным мотиватором для трудоспособного населения в стремлении быть профессионально успешным и материально состоятельным в новой экономической ситуации. Осознать данное обстоятельство весьма непросто, поскольку экономика России находится одновременно в нескольких технологических укладах, при этом доля нарождающегося шестого уклада настолько мала, что пока еще несопоставима с долей четвертого уклада, характерного для этапа автоматизированного производства 1960-х годов. Мощным драйвером освоения цифровых технологий выступает мобильная связь, которой пользуются все категории трудоспособного населения (и в этом отношении они часто не отстают от самой продвинутой молодежи), а также владение компьютерами на достаточно продвинутом уровне, которые активно используются ими не только в разнообразных житейских и бытовых ситуациях, но и в сфере занятости. Чем моложе работник, тем чаще и интенсивнее он использует цифровые устройства. Молодые родители являются компетентными проводниками для своих детей в мир цифровых увлечений, они более активно помогают подросткам-школьникам. В семейном кругу они выступают консультантами для пожилых в вопросах пользования цифровой техникой, устранения возникающих неполадок и поиске нужной информации.

От того, насколько успешно интегрировалась трудоспособная часть населения в цифровую экономику и среду, будет зависеть ее успешность в экономической сфере и устойчивость в социальных процессах. Следует учитывать, что в этом возрасте люди еще не утратили связь с недалеким прошлым, когда они сами были молоды, и в то же время они приобрели трудовой и социальный опыт, который могут понятным языком доводить до подростков и детей. И в этом плане они являются самыми значимыми и авторитетными для младших.

Цифровые потребности молодежи

Согласно исследованиям, семья занимает важное место в жизненном мире молодежи [Панич, Мороз, 2020. С. 55-58]. По оценкам подростков, такие ценности, как «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «любовь», «материально обеспеченная жизнь», «самостоятельность поступков и мысли», «благосклонность как забота и как чувство долга», «гедонизм», являются наиболее значимыми. При этом ценности, связанные с профессиональным самоопределением – «интересная работа», «познание», «творчество» – являются наименее значимыми [Молчанов, Кирсанов, Пряжников, 2019. С. 60-70].

Вся повзрослевшая жизнь юношей и девушек на уровне постоянного общения со сверстниками и обучения проходит «в обнимку» с компьютером и мобильным телефоном – это их верные друзья и помощники. Они легко и непосредственно овладевают сложными приложениями и программами, приобретая навыки владения иностранными языками, в поисках нужной информации выходят на зарубежные сайты. Взрослые, особенно пожилые, поражаются, как они свободно манипулируют цифровыми устройствами, создавая уникальные «произведения» из набора цифровых ресурсов. Вместе с тем, впитывая как губка все, чем наполнен мир Интернета, молодые люди испытывают азарт от открывающихся запретных тем, а затем и импульсивное желание уподобиться не только богам, но и грешникам. Оставаясь одни на один с открывшейся тайной, молодой человек замыкается от ближнего окружения и подвергается усиливающемуся влиянию виртуального мира, который для него становится весьма близким к реальному. На этом фоне происходит «переоценка ценностей», снижается порог критичности к аморальным поступкам. К старшим по этим вопросам они не обращаются, поскольку не находят в них соучастников своих путешествий по виртуальным пространствам сети Интернет. Разрыв между поколениями в уровнях цифровой грамотности серьезно подрывает былые претензии старших на достоверную оценку текущей информации и непререкаемое слово «умудренного житейским опытом», поскольку теперь им приходится познавать азы компьютерных технологий с помощью младших. Эта проблема вполне обоснованно привлекает внимание исследователей [Емельянова, Белых, 2020. С. 34-45]. По мере взросления поколений данный разрыв будет уменьшаться, но, очевидно, никогда не будет преодолен полностью.

В свою очередь, эмоциональное отчуждение и безразличие, непоследовательность в воспитании, отсутствие согласия между родителями и детьми выступают факторами формирования компьютерной игровой зависимости у подростков [Радионова, Есаулова, Фоменко, Шленская, 2020. С. 134-149].

В исследованиях, которые нередко относят к слишком категоричным, приводятся довольно резкие оценки пагубного влияния цифровизации на психологические изменения, наблюдающиеся у молодых людей. Речь идет о серьезных, значимых явлениях: поверхностное восприятие и мышление, неустойчивость моральных ценностей, отсутствие навыков рефлексии, деградация мыслительных способностей, патологическая деформация потребностей и мотивов, нарушение волевой регуляции поведения, формирование неадекватной самооценки, виртуальной зависимости [Тарасова, 2020. С. 62-70]. Выявляется феномен 18–25-летних людей, которые не считают себя ни взрослыми, ни подростками и не являются таковыми, у них снижен уровень такой черты, как рефлексивность [Гаврилова, Швец, 2020. С. 87-100]. Выявлены типично семейные причины чрезмерной увлеченности подростков компьютерными играми [Радионова, Есаулова, Фоменко, Шленская, 2020. С. 134-149]. Мы являемся свидетелями того, как в молодежной среде прорастает новая для предыдущих поколений система ценностей, которая впоследствии может спровоцировать существенные изменения в экономических и социальных процессах российского общества. И семья становится первым «полигоном», на котором отрабатываются нюансы этих новаций. Данное обстоятельство налагает на семью особую ответственность за недооценку негативных сторон молодежного энтузиазма.

Цифровые потребности детей

В аналитическом исследовании [Бочавер, Докука, Новикова и др., 2019. С. 34] делается вывод о том, что воспроизводство и усиление социального неравенства вследствие цифрового неравенства – один из вероятных механизмов влияния цифровизации на благополучие детей. Современные дети стали другими: они проявляют интерес к манипулированию с планшетом и часто уже умеют обращаться с ним на элементарном уровне, на этапе подготовки к школе они демонстрируют некоторые навыки работы в сети Интернет. Таким образом, уже на первых своих этапах цифровизация привела к тому, что электронные гаджеты стали важнейшими техническими устройствами в жизни не только взрослых, но и детей. В этой связи ключевой задачей является обеспечение всех детей равным доступом к современным технологиям и необходимыми навыками работы с ними.

Рассматривая Интернет как новое культурное пространство со своим особым языком, особым содержанием, которое невозможно проконтролировать, со своими способами научения, внушения, предпочтения, Д.И. Фельдштейн подчеркивает [Фельдштейн, 2010. С. 6-11], что значительное число нынешних родителей множественные неудачи в семейной, профессиональной и иных сферах, серьезные профессиональные и личностные проблемы во многом обусловленные эффектами вхождения в цифровое пространство, переносят на ребенка, который находится в атмосфере переживания трудностей, неуспеха, беспомощности и безнадежности. Возникает своего рода «наследование» опыта семейных неудач и родительской неэффективности. А когда ребенок с детства лишен ощущения успеха, это резко подрывает его уверенность в себе. Отсюда негативная динамика культурных и общественных ценностных ориентаций школьников, снижение уровня когнитивного развития детей дошкольного возраста, недоразвитие мотивационно-потребностной сферы ребенка, его воли и произвольности, беспомощность в отношениях со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты, склонность к агрессии. При этом такие эмоциональные и нравственные ценности, как чуткость, терпимость, умение сопереживать, отходят

на второй план. В другом исследовании [Семенова, Семенова, 2020. С. 38-50] показано, что в отличие от 6–7-летних детей, редко использующих гаджеты, их сверстники – активные пользователи электронных устройств – характеризуются более низким уровнем сформированности общей способности к учению. Это проявляется в слабо выраженном интересе к содержанию учебного задания дошкольного типа и процессу его выполнения, наличии ошибок, которые к тому же не замечаются и не исправляются самим ребенком, в отсутствии умения самостоятельно анализировать предъявленный наглядный образец, контролировать свои действия и вербализировать правила выполнения предложенного задания.

Вывод здесь лежит на поверхности: цифровизация всех сторон жизни человека затронула, прежде всего, детскую категорию населения, наименее защищенную от подобных воздействий. И помочь им справиться с информационным потоком некому – старшие члены семьи и родители сами «барахтаются» в образовавшемся «водовороте», молодым людям не до детей, детский сад и школа еще не вполне готовы к выполнению своей миссии. Ясно одно – избежать дальнейших волн цифровизации мы не в силах, они формируются в глубинах научно-технологических, экономических и социальных процессов, и потому государство должно действовать достаточно мудро и осторожно.

Действия государства в условиях стихийных бедствий

2020-й год войдет в историю Земли как период жесткой проверки приверженности государств планеты заявлениям и целям о ценностях внутренней и внешней политики. Среди мер государственной поддержки населения особое место занимают выплаты на детей, которые были весьма позитивно восприняты в семьях. Пандемия коронавируса выявила более глубокую проблему, чем материальное неблагополучие отдельных семей, – это признаки интеллектуального расслоения в обществе в связи с тотальной цифровизацией системы образования. Получается, что наличие сети Интернет в доме еще не является достаточным условием для полноценного качественного доступа к соответствующим ресурсам. Учащиеся младших классов, например, завершали учебный год в режиме онлайн с учителем, то есть в обстановке диалога, общения с одноклассниками, что нивелировало многие недостатки дистанционного образования. Однако далеко не все школьники имели такую возможность из-за отрицательного семейного бюджета, будь он потрачен на современные персональные цифровые устройства для детей. Примечательно, что опросы подтвердили наличие такой проблемы: часть семей потратила деньги, выделенные государством на детей, чтобы приобрести им смартфоны. Мы полагаем, что от раздачи крайне нужных в семьях средств для поддержки детей в период стихийных бедствий следует переходить к мерам, взаимосвязанным с государственными приоритетами.

При этом следует помнить о другом уроке пандемии коронавируса: дистанционное образование успешно обеспечивает доступ образовательных цифровых ресурсов до каждого ученика и в полном объеме, однако знания присваиваются учеником (становятся личностно значимыми) только в совместной продуктивной работе учителя и ученика. Но это может быть общение лишь заинтересованных и подготовленных сторон. Не будет такого общения – ослабнет воспитывающая роль образования (и государства!), на смену социально значимым идеалам придут личностно значимые и не всегда позитивные – грубость, жесткость, пронырливость, перекладывание ответственности на других. Первые признаки внедрения в сознание ребенка этих язв опытный учитель заметит и отреагирует, а цифровой наставник – нет.

Выводы. Государственное управление и семья в период становления цифровой эпохи

Согласно данным ВЦИОМ, более 90% россиян считают главным в жизни создание семьи, воспитание детей и отсутствие сделок с совестью (ВЦИОМ, ТАСС, 2015). Государство стремится учитывать важный потенциал семьи, что отражено в Семейном кодексе Российской Федерации (1995), а также в стратегиях действия Правительства Российской Федерации относительно граждан старшего поколения, молодежи и детей. С 2014 года действует Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года[3]. В июле 2020 года были внесены поправки в Конституцию Российской Федерации (статьи 67, 71 и 114), касающиеся вопросов семьи и детства. Данные меры являются предельно важными в связи с вызовами, с которыми сталкивается современное общество и семья как его основная ячейка. Задача состоит в том, чтобы определить место семьи в процессах перехода к цифровой экономике и цифровому обществу и оказать ей необходимую помощь в ее благородном стремлении решать все жизненные вопросы на принципах благоразумия и справедливости.

Анализ научных работ российских ученых за последние 20 лет [Дорская, 2019. С. 27-41] позволил выделить семейные ценности, проявляющиеся на уровне правового регулирования, правоприменения, доктринального осмысления. Общий вывод состоит в том, что если на протяжении столетий семейные ценности рассматривались прежде всего как коллективные, как права семьи в целом, то в последние десятилетия упор перенесен на поддержку, охрану и защиту

3 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 года № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.». http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/

прав отдельных категорий участников брачно-семейных отношений – несовершеннолетних детей, супругов. Эта сторона государственного воздействия на жизнедеятельность семьи понятна и оправданна. Сложнее выглядит ситуация с сущностными процессами, и на этом участке государственной политики сейчас крайне важно сосредоточить внимание и влияние.

Семья – один из самых трудных объектов государственного управления, хотя ее проблемами занимается не одно ведомство. При подготовке Семейного кодекса разработчикам так и не удалось сформулировать определение семьи; существующие определения отражают юридическую сторону проблемы или расширяют эту трактовку, не выходя в поле признания ее основой как самого общества, так и государства [Филиппов, 2016. С. 102-108]. В психологической и социологической науке констатируются трудности концептуального характера. На основе анализа публикаций в ведущих психологических и социологических изданиях страны за 2000–2016 годы, а также за 1986–1991 годы исследователь делает неутешительный вывод: если тогда констатировалось отсутствие специальной психологической теории семьи, то сегодня можно говорить об отсутствии «нормальной» психологической науки о семье [Солодников, 2018. С. 269-332]. Аналогичные выводы сделаны в другой работе [Махнач, 2019. С. 37-50].

Попытки найти классическое определение имеет мало шансов на успех, поскольку динамизм эпох существенно меняет наши базовые представления как об обществе, так и государстве. В этой связи важно пользоваться операциональными понятиями, полезными для данного этапа развития общества и экономики государства.

Опираясь на поправку к статье 114 действующей Конституции о необходимости для Правительства Российской Федерации осуществлять меры, направленные на поддержку, укрепление и защиту семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, мы вернемся к нашему базовому тезису о семье в цифровую эпоху и сформулируем некоторые выводы.

Семья вполне может рассматриваться как цифровая ячейка общества, то есть как совокупность людей разных возрастов и статусов, объединенных семейными отношениями и вовлеченных в политику государства в области цифровизации в качестве важного субъекта цифрового общества и значимого субъекта цифровой экономики (цифрового домохозяйства). Семья также может быть рассмотрена как заинтересованный, наряду с государством, участник деловой, нравственной и социальной активности подрастающих поколений (и новые цифровые ресурсы усиливают эту функцию семьи).

Во-первых, семья ощутимо участвует в подготовке квалифицированных специалистов для экономики государства. Существуют оценки относительно ежегодного совокупного экономического продукта семей страны, который они вносят в экономику в виде вступающих в трудовую жизнь молодых людей, на протяжении предшествующих лет жизни обеспеченных всем необходимым для сохранения здоровья, развития физических сил, интеллектуального потенциала, культурного уровня; в стоимостном выражении этот продукт вполне сопоставим с ежегодной прибылью экономики. Государство в этом плане ведет учет доходной и расходной части физического лица, не вникая в тонкости происходящего процесса: родители, дедушки, бабушки ведут семейный бюджет не только на уровне доходов и расходов, но и демонстрируют черты рачительности, бережливости, рациональности, когда это касается приоритетных статей семейного бюджета (расходы на оплату жилищно-коммунальных платежей, питание, расходы на лекарства, покупка бытовой и иной техники, пользование сферой услуг). Нередко отложенные накопления позволяют организовать семейный бизнес. Одновременно всему этому семья обучает детей и подростков: живи своим трудом, учись быть экономным, не переступай черту несправедливости. Все чаще домашние цифровые устройства подключаются к сервисам государственных учреждений и организаций, а также работодателей и организаций сферы услуг для решения самых разнообразных насущных вопросов.

Во-вторых, семья участвует в социализации детей и подростков, занимая, в отличие от их сверстников и друзей, активную прогосударственную позицию: в своей основе семьи поддерживают политику государства на сохранение традиционных ценностей народа, патриотизм, здоровый образ жизни, культурное развитие и гражданские качества. Эта информация также культивируется в поисковиках сети Интернет; режим online, социальные сети (Instagram, ВКонтакте, TikTok) и мессенджеры рассматриваются в качестве одного из ведущих факторов социального развития современной молодежи. Исследователи отмечают, что социальная идентичность современной молодежи характеризуется тем, что молодые люди, с одной стороны, придерживаются в русле института семьи традиционных идентификационных стратегий и практик, с другой стороны, ориентированы на поиск персональной стратегии самоидентификации в профессиональной реализации и увлечениях [Гребенникова, Аянян, Юрченко, Полева, 2020. С. 151-166]. При этом Интернет, как социальный ароморфоз, прогрессивное эволюционное изменение, потенциально может привести к тому, что мы окажемся в иной реальности. И возникнет (а может быть, уже возник) новый феномен, новый тип организации. По мнению А.Г. Асмолова, некий новый конструкт – Netman (сетевой человек) [Голубева, 2020. С. 130-150].

В-третьих, семья демонстрирует приверженность к сохранению нравственных устоев, продиктованных связью с родом и вековыми традициями народа. Мы не касаемся здесь религиозного аспекта, а берем более широкий пласт данного явления; семья не может

держаться на аморальных опорах, дети, выросшие в таких семьях, недополучают весьма важный нравственный заряд. Речь идет о нравственной справедливости, сострадании, обладании мерой во всем, что касается отношений с другими людьми. Свои внутренние позиции семья проявляет в предпочтении или игнорировании информационных ресурсов.

Таким образом, современная семья является весьма заинтересованным и активным субъектом цифрового пространства. Рассматривая ее с этих позиций, мы выражаем уверенность в возможности проведения более активной государственной политики в данном направлении. Во многих публикациях признается, что основная задача государственной цифровой политики – удовлетворять цифровые потребности каждого поколения, присутствующего в среднестатистической семье [Днепровская, 2018].

Отправной точкой может служить тезис о том, что, рассматривая семью как основную ячейку цифровизации, мы выравниваем подходы к формированию того будущего, которое необходимо осмотрительно и фундаментально заложить сегодня, потому что от успехов или неудач на этом поприще будет зависеть прочность экономических, социальных и нравственных основ государства.

Возможностей для практической реализации новой государственной политики в деле цифровизации много – укажем лишь на одну, не терпящую, на наш взгляд, промедления. Система школьного образования вступает в период активного использования дистанционных форм обучения и контроля приобретенных знаний, в том числе в интерактивной цифровой среде, определены пилотные регионы, задействованы немалые ресурсы. Основное препятствие на этом пути заключается в том факте, что не все школьники имеют равный доступ к информационным ресурсам на продвинутом уровне, и этот социальный дискомфорт еще не скоро будет исчерпан. Другая проблема заключается в том, что, используя в учебных целях личный или семейный компьютер, школьники оказываются в одном шаге от информационных ресурсов совсем иного плана. К тому же поиски учебного материала при подготовке к занятиям приводят школьников к источникам разного происхождения, нередко это самый поверхностный материал.

Совпадающие интересы семьи, государства (системы образования) и бизнес-сообщества (заинтересованного в компетентных специалистах, а это качество формируется уже в начальной школе) являются сильным мотиватором для того, чтобы, заключив соответствующее соглашение, обеспечить всех учащихся (и учителей) начальных классов планшетами, в которые будет закачен значимый для них информационный ресурс. Это будет своеобразная энциклопедия образования, культуры, спорта и сведений о стране и родном крае: все учебные пособия для детей этого возраста, книги для чтения, советы по выполнению домашних заданий, а также информация о мировой и отечественной культуре в доступном по возрасту варианте, сведения о том, как поддержать свое физическое здоровье, информация о стране и родном крае. По сути, школьник получит в руки набор учебников, которые в лучшие периоды истории нашего государства выдавались в школе бесплатно. Следующим шагом станет обеспечение аналогичными планшетами с соответствующим информационным образовательным и культурным ресурсом для учащихся среднего школьного возраста, а затем – старшеклассников. Возможен и иной вариант: планшеты получают учащиеся 1-го, 5-го и 9-го классов – и так каждый год до полного обеспечения всех школьников.

Поскольку планшет – это не автомобиль (отчасти средство роскоши), речь может идти о льготных кредитах для семей с возможностью наличия самых минимальных ресурсов на их погашение (вплоть до 10 % от стоимости, то есть скидка на весьма дорогое для многих семей устройство составит 90 % стоимости). Это может быть первая совместная акция семьи, государства (системы образования), банковского и делового сектора экономики, за которой последуют и другие.

Цифровизация усиливает процесс трансформации семейных ценностей, происходивший в связи с ломкой патриархальной семьи (конец XIX – начало XX века), затем «советской семьи» (первая треть – конец XX века), наконец, семьи как таковой в связи с гендерными и иными явлениями, а также возросшей долей неполных семей. Однако базовые семейные ценности продолжают выполнять свою функцию.

Литература

Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Цифровая экономика: краткий статистический сборник. Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. Доклад. к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Аверьянов М.А., Евтушенко С.Н., Кочетова Е.Ю. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение. *Экономические стратегии*. 2017. № 1. С. 114-124.

Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица. *Семейная психотерапия*. СПб.: Питер, 2000. С. 17–26.

Баязитова Г. О понятии «семья» и «домохозяйство» в политической теории Жана Бодена. *Социологическое обозрение.* 2019. Т. 18. № 4. С. 130–148.

Бочавер А.А., Докука С.В., Новикова М.А. и др. Благополучие детей в цифровую эпоху. Доклад. к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Гаврилова Т.А., Швец Ф.А. Опросник «Возрастно-статусное самосо-

знание подростка»: теоретическое и психометрическое обоснование. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2020. № 2. С. 87–100.

Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2020. № 1. С. 130–150.

Гребенникова О.В., Аянян А.Н., Юрченко Н.И., Полева Н.С. Социальное и личностное развитие современной молодежи в технологическом обществе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2020. № 1. С. 151–166.

Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995.

Дигилина О.Б., Тесленко И.Б. Трансформация рынка труда в условиях цифровизации. *Вестник РГГУ: Серия «Экономика. Управление. Право».* 2019. № 4. С. 166–180.

Днепровская Н.В. Цифровая трансформация взаимодействия органов государственной власти и граждан. *Государственное управление. Электронный вестник.* 2018. № 67. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__67._aprel_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/dneprovskaya.pdf

Дорская А.А. Основные направления изучения семейного права в России на современном этапе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2019. № 3. С. 27–41.

Емельянова Т.П., Белых Т.В. Ответственность молодежи по отношению к старшим и будущим поколениям. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2020. № 2. С. 34–45.

Земскова Е.С. Анализ поведения потребителей в цифровой экономике с позиции теории поколений. *Вестник Евразийской науки.* 2019. № 5. https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf

Мартынов Б.В., Корнеева М.В., Василевичева А.И. Влияние цифровизации на институт семьи // Управление социальными инновациями: сборник научных статей. Чебоксары, 2019. С. 207–211.

Махнач А.В. Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование».* 2019. № 2. С. 37–50.

Молчанов С.В., Кирсанов К.А., Пряжников Н.С. Особенности ценностных предпочтений у подростков с разным уровнем сформированности личной профессиональной перспективы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2019. № 4. С. 60–70.

Нестик Т.А. Технофобия: Социально-психологические факторы отношения к новым технологиям // Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Тверь, 2016. С. 52–65.

Павлова Н.С., Сергиенко Е.А. Образ жизни пенсионеров и их отношение ко времени. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2020. № 2. С. 46–61.

Панич Н.А., Мороз Н.А. Репрезентация жизненного мира молодежи в социальных сетях. *Общество: социология, психология, педагогика.* 2020. № 4 (72). С. 54–58.

Радаев В.А. Милленеалы: как меняется российское общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Радионова М.С., Есаулова К.С., Фоменко К.С., Шленская Н.М. Семейные факторы, определяющие чрезмерную вовлеченность старших подростков в видеоигровую деятельность. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2020. № 1. С. 134–149.

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Семья и семейные ценности в современном мире // Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: Коллективная монография / Под ред. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. С.В. Рязанцева и д.соц.н., проф. Т.К. Ростовской. М.: ИТД «Перспектива», 2017. С. 301–313.

Садовая Е.С. Цифровая экономика и новая парадигма рынка труда. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018(a). Т. 62. № 1. С. 35–45.

Садовая Е.С. Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-российский журнал социальных наук.* 2018(b). Т. 19. № 3. С. 6–20.

Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Особенности общей способности к учению 6–7-летних детей – активных пользователей электронных гаджетов. *Системная психология и социология.* 2020. № 1 (33). С. 38–50.

Солодников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2018. Т. 6. С. 269–332.

Субботин А. Российское поколение милленеалов. *Социологическое обозрение.* 2020. Т. 19. № 1. С. 328–338.

Суслова И.П., Коростелева И.И. Цифровые организации: тенденции и перспективы развития в будущем. *Экономические стратегии*. 2018. № 6. С. 100–105.

Тарасова Е.М. Некоторые психологические особенности студентов поколения Z. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* 2020. № 2. С. 62–70.

Тихонова С.В., Фролова С.М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований. *Философия. Психология. Педагогика.* 2019. Т. 19. С. 287–290.

Фельдштейн Д.И. Изменяющийся ребенок в изменяющемся мире: психолого-педагогические проблемы новой школы. *Национальный психологический журнал.* 2010. № 2. С. 6–11.

Филиппов С.А. Понятие «семья» по российскому законодательству. *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* 2016. № 3 (110). С. 102–108.

References

Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. et al. Digital Economy: Short Statistical Collection. Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. In Russian

Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. What is Digital Economy? Trends, Competencies, Measurement: Report to the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. In Russian

Averyanov M.A., Evtushenko S.N., Kochetova E.Y. Digital Society: Architecture, Principles, Vision. *Ekonomicheskie strategii.* 2017. No. 1. P. 114–124. In Russian

Akkerman N. Family as a Social and Emotional Unit. *Semeynaya psik-*

hoterapiya. St. Petersburg: Piter, 2000. P. 17-26. In Russian

Bayazitova G. On the Concepts of "Family" and "Household" in Political Theory of Jean Boden. *Sotsiologicheskoe obozrenie.* 2019. Vol. 18. No. 4. P. 130–148. In Russian

Bochaver A.A., Dokuka S.V., Novikova M. A. et al. Children's Well-Being in the Digital Age: Report to the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. In Russian

Gavrilova T. A., Shvets F. A. Questionnaire "Age-Status Self-Awareness of an Adolescent": Theoretical and Psychometric Substantiation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki.* 2020. No. 2. P. 87–100. In Russian

Golubeva N.A. Digital Identity Features of Teenagers and Youth in Modern Technological Society. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye".* 2020. No. 1. P. 130–150. In Russian

Grebennikova O.V., Ayanyan A.N., Yurchenko N.I., Poleva N.S. Social and Personal Development of Modern Youth in Modern Technological Society. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye".* 2020. No. 1. P. 151–166. In Russian

Deleuze J. The Logic of Sense. Moscow: Academiya, 1995. In Russian

Digilina O.B., Teslenko I.B. Transformation of the Labor Market in the Context of Digitalization. *Vestnik RGGU. Seriya "Ekonomika. Kontrol'. Pravo".* 2019. No. 4. P. 166–180. In Russian

Dneprovskaya N.V. Digital Transformation of Interaction between Governing Authorities and Citizens. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik.* 2018. No. 67. http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__67._aprel_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/dneprovskaya.pdf In Russian

Dorskaya A.A. Main Directions of Studying Family Law in Russia at the Present Stage. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2019. P. 27–41. In Russian

Emelyanova T.P., Belykh T.V. Responsibility of Youth towards Older and Future Generations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki.* 2020. No. 2. P. 34–45. In Russian

Zemskova E.S. Analysis of Consumer Behavior in the Digital Economy from the Perspective of Generation Theory. *Vestnik Evraziiskoi nauki.* 2019. No. 5. https://esj.today/PDF/32ECVN519.pdf In Russian

Martynov B.V., Korneeva M.V., Vasilevicheva A.I. Influence of Digitalization on Family Institute. In: Social Innovations Management: Collection of Scientific Articles. Cheboksary, 2019. P. 207-211. In Russian

Makhnach A.V. Trends in Studying Family and Characteristics of its Composition Associated with Vitality. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovaniye"*. 2019. No. 2. P. 37–50. In Russian

Molchanov S.V., Kirsanov K.A., Pryazhnikov N.S. Features of Value Preferences in Adolescents with Different Levels of Personal Professional Perspective Formation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki*. 2019. No. 4. P. 60–70. In Russian

Nestik T.A. Technophobia: Socio-Psychological Factors of Attitudes towards New Technologies. In: Psychology, Management, Business: Interaction Problems. Tver', 2016. P. 52–65. In Russian

Pavlova N.S., Sergienko E.A. Pensioners' Way of Living and Their Relation to Time. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki*. 2020. No. 2. P. 46–61. In Russian

Panich N.A., Moroz N.A. Representation of the Life World of Youth in Social Networks. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2020. No. 4 (72). P. 54–58. In Russian

Radaev V.A. Milleneals: How the Russian Society Changes. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. In Russian

Radionova M.S., Esaulova K.S., Fomenko K.S., Shlenskaya N.M. Family Factors of Adolescents' Over-Involvement in Video Game Activities. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki.* 2020. No. 1. P. 134–149. In Russian

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Family and Family Values in the Modern World. In: Russian Youth: Socio-Demographic Portrait and Value System in the Context of the Multi-Ethnic Basis of the Russian State: Collective Monograph / Ed. by the corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, prof. S. V. Ryazantsev and Doctor of Social Sciences, prof. T.K. Rostovskaya. Moscow: ITD "Perspektiva", 2017. P. 301–313. In Russian

Sadovaya E.S. Digital Economy and New Paradigm of the Labor Market. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018(a). Vol. 62. No. 1. P. 35–45. In Russian

Sadovaya E.S. People in Digital Society: Dynamics of Social and Labor Relations. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2018(b). Vol. 19. No. 3. P. 6–20. In Russian

Semenova L.E., Semenova V.E. Features of the General Learning Ability of 6-7 Year Old Children as Active Users of Electronic Gadgets. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*. 2020. No. 1 (33). P. 38–50. In Russian

Solodnikov V.V. Russian Sociological and Psychological Studies of the Family in the XXI Century: a Meta-Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 2018. Vol. 6. P. 269–332. In Russian

Subbotin A. Russian Generation of Milleneals. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 328–338. In Russian

Suslova I.P., Korosteleva I.I. Digital Organizations: Trends and Development Prospects in the Future. *Ekonomicheskie strategii.* 2018. No. 6. P. 100–105. In Russian

Tarasova E.M. Some Psychological Characteristics of Generation Z Students. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki*. 2020. No. 2. P. 62–70. In Russian

Tikhonova S.V., Frolova S.M. Digital Society and Digital Anthropology: Transdisciplinary Foundations of Socio-Epistemological Research. *Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika.* 2019. Vol. 19. P. 287–290. In Russian

Feldshtein D.I. A Changing Child in a Changing World: Psychological and Pedagogical Problems of the New School. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal.* 2010. No. 2. P. 6–11. In Russian

Filippov S.A. The Concept of "Family" Under Russian Law. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2016. No. 3 (110). P. 102–108. In Russian